

ЛЮБОВЬ К ВРАГУ КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПАРАДОКС (НА ПРИМЕРЕ МОЛИТВЫ НЕИЗВЕСТНОГО УЗНИКА ДАХАУ)

По мнению автора, любовь к врагам – это довольно сложная тема для размышления, которая кажется невозможной для окончательного разрешения и принятия. Из этого возникает вопрос о том, можно ли любить того, кто может ранить, обидеть и даже разрушить чужую жизнь. В понимании многих людей ответными реакциями на обиду являются отстранение или забвение, а всего вероятнее – месть, подобно цитате «Око за око» из Библии.

В результате частых рассуждений на эту тему можно извлечь очень важную вещь: любовь скрывает в себе потаенный смысл. Смысл связан с тем, какой будет выбор человека, а не с тем, какие чувства он испытывает. Любовь к врагу в прямом смысле не так уж и важна. Важна истинная и искренняя вера в Бога. Именно сильная вера в Бога не позволяет человеку причинить зло, что он сам испытал, в ответ. Наоборот, вера порождает в душе человека способность не отдавать зло. И даже если имеются все основания для полноценной ненависти, вера в состоянии удержать ее под контролем, преобразить. Иными словами, человек не может любить того, кого по определению или по обстоятельствам считает своим врагом. Он способен любить только того, кто не воспринимается, или уже не воспринимается, как враг. И под этим подразумевается, безусловно, не лирическая, не умиляющая собой влюбленность.

По мнению автора, любовь к врагам, если она возможна, должна быть конкретной и действенной, а не просто чувственно переживаемой и еле уловимой. В подтверждение этой мысли автору хотелось бы обратиться к уникальному человеческому документу – молитве неизвестного узника нацистского лагеря смерти Дахау, написанной на клочке оберточной бумаги непосредственно перед тем, как человек этот был отправлен в газовую камеру. Эта молитва принадлежит пожилому человеку – еврею, чью семью убили нацисты и уничтожили все, что было ему дорого и свято. Она свидетельствует о том, как человек в нечеловеческих условиях пытается сохранить в себе человечность, удерживая ее благодаря лишь своей вере. В пример приведен текст молитвы.

«Мир всем людям злой воли! Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников. Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли, мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты крайней слабости. Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности. Прими во внимание добро, а не зло. И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего больше мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить среди людей, и да возвратится на нашу истстрадавшуюся землю мир, мир людям доброй воли и всем остальным» [1, с. 5].

Возложивший молитву человек переживал зло в абсолютном и неизвестном нам, сегоднешним людям, измерении. На взгляд автора именно слова «злодеяния превышают всякую меру, они уже стоят по ту сторону человеческого понимания» задают особый смысл всему дальнейшему, что будет в тексте. Речь идет не о бытовых обидах или недопонимании и даже не о простых конфликтах и жестокости, а об особом зле, которое разрушает само понятие человечности, саму возможность существования справедливости, добра, любви. В том месте, в котором возложена и написана молитва, вопрос любви к врагу становится очень острым и тонким. Если даже в такой момент человек не говорит о мести, то вопрос любви к врагу становится уже не просто вопросом нравственности, т. е. не нормативным вопросом мышления

и морального выбора. За проблемой любви к врагу стоит нечто намного весомее, чем мораль, нравственность или самосознание.

В молитве звучит простая просьба – «да положен будет конец всякой мести, всем призывам к наказанию и возмездию», и в этих простых словах чувствуется истинная искренность. И это особенно абсолютно удивительно, потому что всем на его месте хотелось бы в первую очередь справедливого возмездия, и это было бы совершенно естественным и оправданным желанием. Но узник отказывается от знакомой и понятной нам логики, он не просит наказать своих мучителей, просит с точностью до наоборот: «Господи, не взвешивай наши страдания на весах твоей справедливости и не засчитывай эти страдания палачам». Здесь кроется важный смысл: человек не хочет, чтобы его страдание и страдание его народа, страдание всех узников стали причиной нового зарождения зла, совершаемого в соответствии с принципом воздаяния, мести.

Предполагается, что узник тем самым разрывает массивную причинно-следственную цепь между страданиями, ненавистью к мучителям и жадой священной мести. Святыня его сердца отнюдь не в мести и не в справедливом воздаянии. Особенно яркой в этом отношении является мысль о том, кем он хочет остаться в памяти врагов: «и пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей». В этой строке происходит абсолютное изменение взгляда на врага, будто бы он больше не ощущается как самый большой источник зла, а воспринимается как человек, которому требуется исцеление и искупление.

Отказ от мести невозможно объяснить простыми словами или человеческими чувствами. Этот отказ становится понятным только через сильную веру человека в Бога. Узник не просто говорит про прощение – он просит Бога простить: «Воздай по-иному. Нет, зачти в пользу палачам, доносчикам и предателям и всем злым людям все мужество и всю душевную силу других». Это отчетливо показывает, что взгляд выходит далеко за рамки знакомого нам понятия справедливости. По мнению автора, старый еврей считает, что есть другой, более высокий смысл, где добро не уходит даже когда кажется, что зло побеждает. Вера дает шанс не стать жестоким человеком. Вера – это опора, благодаря которой сущность человека остается свободной внутри. Без веры трудно держать эту свободу, и это вовсе не попытка оправдать зло. Это попытка понять его влияние и не ответить тем же. Именно в этом проявляется искомая любовь к врагу – не как чувство, а как отказ видеть в другом только зло и как отказ другому в искуплении и преображении. Приговорить человека к вечной смерти – легко, а дать надежду на исцеление – неимоверно труднее.

Среди примеров того, как вера влияет на моральный выбор, хорошими будут идеи св. Фомы Аквинского, утверждавшего, что любить своих врагов означает желать им блага. В этом и заключается схожий смысл. Эта мысль открывает новый способ понять смысл любви к врагу. Молитва узника Дахау просит не наказывать врагов, а наоборот, превратить добро и страдание во благо. Идея св. Фомы Аквинского говорит, что любовь к врагу – не слабость, а самый высокий моральный выбор. Любовь к врагу опирается на веру и стремление к добру, и в этом просматривается прямая связь.

Философ Григорий Померанц в одном из своих сочинений говорит о «бессильной силе» этой молитвы, врачующей умы и сердца, но неспособной стать эмблемой мести нацизму, символом памяти о героическом сопротивлении ему [2, с. 343]. На взгляд автора именно личная история вознесения этой молитвы недооценивается Григорием Померанцем. Следовало бы спросить о том, кто именно молит о прощении того, что простить самому человеку не дано, ведь это не протокол, а молитва. Прощение, которое здесь должно пониматься как любовь, даруется узником не от лица человека и не по его воле (мера зла такова, что человеку не дано права простить его самому и по собственной воле), но от лица единства Бога и этого человека. Это единство и дает человеку и Богу силы любить тех, кого он еще недавно считал своими смертельными врагами. В этих обстоятельствах человек обретает силу и власть вознести подобное моление, а Бог – право услышать его.

В конце молитвы узник упоминает будущую жизнь и возможность для него и таких, как он, жить «среди людей», но ведь ни его, ни их – нет. Возникает вопрос о том, убиты и сожжены они или все же находятся в одном мире с нами. Если верно второе, то молитва приобретает еще одно неизведанное измерение – любовь к врагам означает, что люди имеют силу и власть дать жизнь человеческому будущему.

В конечном итоге становится понятно, что идея любви к врагу – это крайне сложное представление о религиозно-философском парадоксе, описывающем отношение, с одной стороны, справедливости и воздаяния, а, с другой, святости. И именно это противоречие оказывается столь трудным для обычного человека. Но анализ Молитвы узника Дахау показывает, что в самых тяжелых условиях жизни – в безднах ада – появляется новый смысл заповедей Христа и Его обетований.

Список использованной литературы

1. **Молитва** неизвестного узника Дахау // Вестник Европы. – 2005. – Т. 15. – С. 5.
2. **Померанц, Г. С.** Живые и мертвые идеи / Г. С. Померанц // Погружение в трясину (Анатомия застоя). – М. : Прогресс, 1991. – С. 311–345.